

Сы Цянье пошел обратно, оставив Чэн Синьюаня позади.

— Что? Я что-то сделал? — Чэн Синьюань догнал его, недоумевающая.

— Если бы ты ничего не сделал, ты бы не стал лично его обучать. Ты хочешь его воспитать, я знаю тебя, старый друг.

— Ха-ха-ха-ха-ха.

Чэн Синьюань громко рассмеялся. Пока они шли и подшучивали друг над другом, Чжао Сюньюэ проводил Цуй Чжи и его бабушку до автобусной остановки. Всю дорогу старушка непрерывно ворчала, но Чжао Сюньюэ и Цуй Чжи молчали. Видя, что никто не реагирует, бабушка тоже замолчала. Когда подъехал автобус, она первая зашла внутрь, а Цуй Чжи, прежде чем войти, обернулся к Чжао Сюньюэ:

— Брат, мы договорились.

Обычно он был замкнутым и жестким с другими, но, говоря это Чжао Сюньюэ, он казался немного робким.

Бабушка уже заняла место в автобусе, а водитель крикнул:

— Мальчик, заходишь?

Двигатель автобуса гудел, а за спиной Чжао Сюньюэ толпились люди, ожидающие автобуса. В основном это были пожилые, дети и несколько женщин среднего возраста.

Чжао Сюньюэ стоял на земле. Он приехал в уезд Линьчэнь из городского района Цзо всего два дня назад. На небе висел густой туман, солнце было далеко от земли, и он впервые почувствовал атмосферу небольшого уезда, совсем непохожую на город. Это было спокойное и уютное чувство, которое развеяло его подавленность, которую он терпел перед приездом.

Когда он вчера только прибыл в пограничный отряд, он чувствовал себя чужим. Незнакомцы наблюдали за ним, испытывали его, заставляя его быть осторожным и напряженно следить за каждым человеком и каждым событием. Но менее чем за двадцать четыре часа он спас жизнь мальчика, заключил с ним договор, и, возможно, его небольшое поощрение изменит жизнь Цуй Чжи, сделав её лучше через десятилетия. Легкая грусть в сердце Чжао Сюньюэ улетучилась, как пыль на ветру. У него не было возможности прожить свою юность заново, но он надеялся, что спасенный им человек сможет прожить жизнь лучше, чем он сам.

— Если не заходишь, закрываем двери!

Водитель автобуса раздраженно подгонял, а бабушка кричала из автобуса. Цуй Чжи сделал шаг внутрь, но его глаза всё ещё смотрели на Чжао Сюньюэ. Тот слегка улыбнулся.

Это было первое выражение расслабленности и спокойствия на его лице с момента приезда. Это даже нельзя было назвать улыбкой, скорее едва заметным выражением поддержки:

— Я обещаю. Иди, ты справишься.

— Угу!

Водитель закрыл двери, и Цуй Чжи внутри автобуса решительно кивнул. Чжао Сюньюэ смотрел, как автобус уезжает, и медленно пошел обратно в участок. В его голове крутились

мысли о взрослении, и, войдя во двор, он увидел Чэн Синьюаня, ждущего его.

Двор участка был окружен различными зданиями: справа находились жилые помещения для полицейских, слева — столовая и общая душевая, а прямо — рабочие кабинеты. Чэн Синьюань стоял в центре двора, один, держа в руках объяснительную Чжао Сюньюэ, и спокойно ждал его.

Чжао Сюньюэ остановился у ворот. На земле были следы от колес железных ворот, и он стоял за пределами полукруга, как будто, сделав ещё один шаг, его хорошее настроение испарится, и он снова окажется среди незнакомых людей и событий.

Чэн Синьюань, увидев, что Чжао Сюньюэ остановился на безопасном расстоянии, вспомнил слова Сы Цянье. Да, он действительно хотел «воспитать» этого, хотя и всего на четыре года младше, но в его глазах незрелого выпускника полицейской академии.

Он намеренно подошел к Чжао Сюньюэ, и тот, видя его приближение, с тревогой спросил:

— Что случилось?

Чэн Синьюань остановился в шаге от Чжао Сюньюэ, по другую сторону следа на земле. Казалось, что место, где он стоял, внутри ворот пограничного отряда, символизировало уезд Линьчэнь, а Чжао Сюньюэ, не переступивший черту, психологически ещё не принял это место. С легкой насмешкой Чэн Синьюань поднял объяснительную и потряс ею.

Чжао Сюньюэ подумал, что, возможно, его текст был неправильно составлен или не понравился начальнику.

В последние годы, превращаясь из мальчика в мужчину, Чжао Сюньюэ провел в полицейской академии. Он был амбициозным, упрямым и настойчивым, не терпящим, когда его обвиняли в том, что он добился успеха благодаря связям отца. Он стремился всё делать своими силами. Он не поддавался мирским соблазнам, потому что был словно волк в человеческом обличье, интересующийся только добычей и соперниками. В первый день общения с Чэн Синьюанем он почувствовал, что этот капитан вызывает у него дискомфорт, и между ними возникло соперничество.

Они были одного роста, и Чэн Синьюань несколько раз потряс листком, каждый раз приближая его к лицу Чжао Сюньюэ. Звук бумаги раздражал, и в последний раз угол листа коснулся губ Чжао Сюньюэ. Чэн Синьюань увидел в его глазах испуг и остановился, сказал с легкой усмешкой:

— В объяснительной есть опечатка.

— ...

Чжао Сюньюэ стиснул губы, на его лице появился румянец гнева, но он сдержался, когда Чэн Синьюань добавил:

— Но ничего страшного, исправлять не нужно.

Он намеренно добавил «о» в конце, словно утешая или дразня. Чжао Сюньюэ хотел возразить, но Чэн Синьюань, не держащий объяснительную рукой, вдруг схватил его за руку и слегка потянул внутрь, за черту на земле.

Они оказались ещё ближе. Листок, который был между ними, теперь, с точки зрения Чжао Сюньюэ, напоминал занавес. Когда Чэн Синьюань опустил руку, занавес медленно опустился, и на бумагу упал луч света. Чжао Сюньюэ вблизи увидел лицо Чэн Синьюаня более четко, чем вчера.

При первой встрече вчера, под дождем, в полумраке, Чэн Синьюань казался ему молодым и даже немного неопытным. Сегодня, приглядевшись, он заметил, что Чэн Синьюань выглядел более зрелым. У него были загадочные глаза с легкой улыбкой, которые блестели.

Чэн Синьюань улыбался, и от него исходил странный запах, вызывающий у Чжао Сюньюэ одновременно отторжение и тягу. Этот запах напоминал душную жару после дождя в уезде Линьчэнь, обволакивая Чжао Сюньюэ и проникая в его ноздри. Маленькое пламя в его сердце погасло наполовину, и он забыл, что хотел сказать, оставшись с упрямым выражением лица, которое постепенно успокоилось.

Чэн Синьюань наблюдал, как меняется выражение его глаз, и, наконец, задал серьезный вопрос:

— Что ты сказал тому мальчику?

Чжао Сюньюэ вспомнил свои слова Цуй Чжи. Он просто утешал его, понимая боль ребенка, который рос без матери и с отсутствующим отцом. Это было время, когда ребенок больше всего нуждался в любви, и одиночество, беспомощность и отчаяние было трудно вынести. Но Чжао Сюньюэ сказал Цуй Чжи, что, если он переживет эту ночь, следующая будет легче, а потом станет ещё лучше.

Но он не стал рассказывать Чэн Синьюаню все детали, а просто повторил одну фразу:

— Я сказал ему, чтобы он старался выбраться из этого несправедливого мира.

Чэн Синьюань усмехнулся, не ожидая, что этот парень может быть таким наивным и вдохновляющим.

— Хм, неплохо.

Он протянул руку Чжао Сюньюэ:

— Рад, что ты приехал в Линьчэнь. От имени пограничного отряда приветствую тебя.

Чжао Сюньюэ немного замешкался, затем мягко пожал руку. Чэн Синьюань с максимальной искренностью добавил:

— С сегодняшнего дня я буду твоим наставником.

=====

В тот день перед обедом Сы Цяньэ собрал всех полицейских, которые не были на заданиях, чтобы представить двух новых стажеров из полицейской академии. Чжао Сюньюэ и Вэй Чэньпин стояли перед группой полицейских, оба немного нервничая. Ма Цюаньцюань радостно начал аплодировать:

— Здорово, теперь я больше не самый младший.

Цао Чун рассмеялся:

— Чжао Сюньюэ — аспирант, маленький Цюаньцюань, ты всё ещё самый младший.

Когда он назвал его «маленьким Цюаньцюанем», Вэй Чэньпин был шокирован этим обращением, с недоумением посмотрев на своего наставника, а затем на Ма Цюаньцюаня.

□ Цитата М. Горького.

<http://bllate.org/book/16930/1559090>